

Глава 13. Синдром молодой мамочки

Дада наконец опустился на песчаный берег какого-то озера. Где именно они находились, оставалось загадкой, но Цю Ситуну было уже глубоко плевать — он балансировал на грани обморока.

Сложив могучие крылья, ящер припал на бок, позволяя всадникам спуститься.

Но Цю Ситун, хоть Сыма Шу и развлекал его всю дорогу дурацкими анекдотами, до сих пор не мог прийти в себя от ужаса. Лицо капитана отливало мертвенной бледностью, губы побелели, а руки и ноги покрылись ледяной испариной.

Сыма Шу бережно снял его со спины Дада и попытался привести в чувство. Стоило ногам Цю Ситуна коснуться земли, как он мешком повалился на песок. Взгляд его блуждал, не в силах сфокусироваться — бедолагу растрясло не на шутку.

Оставив людей в покое, Дада развернулся и с шумом ушел под воду.

Опустившись рядом на песок, Сыма Шу притянул капитана к себе, позволяя опереться на свое плечо, и тихо шептал:

— Все хорошо, все позади. Мы на земле, слышишь? Мы справились.

— Чжэн Бэй погиб от крайнего истощения, — внезапно прогремел над головой потусторонний голос. Над пустынной озерной гладью этот мертвенный скрежет прозвучал особенно пронзительно.

— Еще одна смерть? — слабо выдохнул Цю Ситун, понемногу приходя в себя.

— Да... еще один ушел, — помрачнел Сыма Шу. — Не дергайся, полежи пока так. Не спеши вставать.

И без того обессиленный перелетом, Цю Ситун послушно прижался к его плечу, переваривая услышанное.

— Подумать только... — прошептал он. — От истощения? Неужели бедняга действительно загнал себя до смерти, усердствуя с этой пантомимой?

— Кто знает, — вздохнул Сыма Шу. — Не забивай себе голову всякой жутью, просто отдыхай.

Он попытался приобнять капитана за плечи, но тот мягко, но настойчиво отвел его руку.

— Что такое? — приподнял бровь Сыма Шу. — Опять хандришь?

— Нет. Просто я начинаю себя ненавидеть, — признался Цю Ситун.

Он безучастно смотрел на темные круги, расходящиеся по воде там, где скрылся Дада, втайне надеясь, что этот крылатый ящер больше никогда не вынырнет на поверхность.

— Перестань, — мягко оборвал его Сыма Шу. — Переведи дух, а потом поищем какую-нибудь провизию. Бог весть, какие сюрпризы готовит нам этот день, не сидеть же сиднем на одном месте.

Прошло уже прилично времени, а Дада все не показывался.

«А ведь бесстрастный женский голос ни словом не обмолвился о том, умеет ли этот ящер плавать, — Сыма Шу вглядывался в неподвижную зеркальную гладь. — Что, если он просто пошел ко дну и захлебнулся?»

Да уж, это выживание в глуши разительно отличалось от их прежней кровавой бани. Докатились — завели домашнего питомца. Вот только кажущееся затишье не приносило облегчения. Напротив, эта звенящая пустота изматывала душу куда сильнее открытого боя.

В этой петле времени Сыма Шу снова учился на третьем курсе. Сколько раз он уже числился в вечных студентах? Не счесть. Эту несчастную специальность он осваивал как минимум в третий раз, так что на прогулы ему было глубоко наплевать. С преподавателями всё давно было схвачено, а одногруппникам, с которыми он и раньше-то близко не общался, не было до него никакого дела. На оценки и зачеты Сыма Шу тоже плевал с высокой колокольни — грошовая стипендия, за которой гонялись смертные, в его нынешнем положении не стоила и выеденного яйца. Он даже постдокторантуру умудрился окончить дважды — просто ради того, чтобы занять себя хоть чем-то. Жизнь заставляла выкручиваться, ведь его возраст и внешность застыли в вечной юности, не меняясь ни на йоту.

Впрочем, бессмертие приносило с собой не только скуку, но и вагон других, куда более изощренных проблем.

Лейтенант Сюй Маньфу пришел в себя в хижине из ракушек. Он был совершенно один. Окружающая обстановка удручала спартанской пустотой: из всей мебели в комнате сиротливо ютился лишь чугунный очаг. Внутри было зябко и пусто, но хотя бы стены не покрывала ледяная корка.

Стоило ему разлепить веки, как до ушей донеслось сообщение о гибели Чжэн Бэя. Горечь утраты мгновенно сменилась приступом бессильной ярости. Прошлую ночь, когда они

устроились на ночлег в самой чаще, ему сквозь сон почудились тихие, вкрадчивые шаги. Но как он ни силился проснуться, веки словно налились свинцом.

«Это они, — Сюй Маньфу стиснул зубы от дикой злобы. — Те двое. Дьяволы во плоти»

Теперь он остался один-одинешенек, без малейшего понятия, куда подевались остальные четыре выживших. Но хуже всего было то, что из этого проклятого склепа без окон и дверей не существовало выхода. Сюй Маньфу оказался в ловушке.

Стены хижины мозаикой облепляли тысячи разномастных раковин и витых морских спиралей. Откуда-то извне доносился глухой рокот волн, разбивающихся об острые скалы. Очевидно, его забросило на побережье.

Поначалу лейтенант пытался действовать осторожно. Он принялся подковыривать ногтями створки ракушек, надеясь проковырять брешь наружу. Но эта странная кладка вела себя как живой, восстанавливающийся организм. На месте содранной раковины тут же набухла и затвердела новая. С какой бы безумной скоростью он ни работал, регенерация стен неизменно опережала его усилия.

Поразительно, но в этой наглухо закупоренной коробке он совсем не задыхался — воздух оставался свежим, хотя тщательный осмотр не выявил никаких скрытых вентиляционных отверстий.

Доведенный до отчаяния, Сюй Маньфу пнул ногой раскаленную железную заслонку очага. Дождавшись, пока тяжелый кусок металла остынет, он крепче перехватил его ладонью и принялся с яростью крушить хрупкую известковую скорлупу. Осколки полетели во все стороны. В короткий миг, пока разорванная плоть стены судорожно затягивалась новой броней, лейтенант успел прильнуть к дыре и разглядеть, что творится снаружи.

Шэнь Хайфэн и Чжоу И очнулись почти одновременно — как раз к началу траурного вещания. Известие о безвременной кончине Чжэн Бэя отозвалось в их душах неожиданным, даже пугающим облегчением. Мужчины лишь устало вздохнули, недоумевая, как такое возможно. Вчера они ведь толком ничего не делали, просто брели по лесу. Неужели обычная пешая прогулка способна загнать человека в могилу?

Похоже, разгадать эту тайну им было не суждено.

Местность вокруг казалась до боли знакомой — всё тот же бесконечный подлесок, где они плутали накануне. Единственным отличием было то, что неподалеку шумно хлопотали несколько серых коротконогих фазанов.

— Попробуем поймать? — вполголоса предложил Шэнь Хайфэн. Он застыл, прижавшись спиной к шершавому стволу дерева, боясь спугнуть потенциальный обед неосторожным движением.

Стоявший рядом Чжоу И беззвучно, но с неистовым энтузиазмом закивал в ответ.

Убедившись, что союзник наготове, Шэнь Хайфэн беззвучно отсчитал на пальцах: один, два, три...

Мужчины одновременно рванулись вперед, пытаясь накрыть птиц телами. Раздался истошный клекот, в воздух взметнулось облако серого пуха, но когда пыль улеглась, в кулаках незадачливых охотников не осталось ничего, кроме горсти перьев.

Тао Вэйян очнулся от того, что его обдало ледяным сквозняком. Лениво потянувшись, он дернул ногой и вдруг с ужасом осознал, что его голени безжизненно болтаются над пугающей бездной. Панический страх мгновенно выбил остатки сна. Лихорадочно цепляясь пальцами за крошащийся грунт, он по-пластунски отполз назад, тяжело и прерывисто дыша. Сделай он при пробуждении хоть одно резкое движение — и бесстрастный голос с неба сейчас объявлял бы уже о его собственной кончине.

Он огляделся. Вокруг простиралась бесплодная пустошь. Тао Вэйян действительно находился на вершине каменистого утеса, затерянного среди бескрайней гряды скалистых гор. Пик, на котором он очутился, был не слишком высоким, но отвесным и практически неприступным. Отроги соединялись друг с другом лишь далеко внизу, у самого подножия. Поскольку он оказался на высоте нескольких сотен метров без снаряжения и альпинистских навыков, спуститься отсюда живым казалось невыполнимой задачей.

Игра безжалостно разбросала их по разным углам карты. Чжэн Бэй уже мертв.

«Нас разделили, — подумал Тао Вэйян, ощущая, как его прошибает холодный пот. — А в одиночку здесь долго не протянуть. Это конец»

Тяжелое, сиплое дыхание прямо над ухом, колючая солома под спиной и мерная, глухая вибрация земли... Вдобавок ко всему, что-то мерзкое и влажное то и дело бесцеремонно проходило по его лицу. Цянь Син очнулся уже давно, но зажмурился изо всех сил, не смея открыть глаза. Он панически боялся увидеть перед собой оскаленную пасть какого-нибудь хищника.

Даже когда небесный глас возвестил о гибели очередного бедолаги, он не посмел шелохнуться,

затаив дыхание и молча глотая подступающие к горлу слезы.

Шел всего лишь пятый день этого кошмара, но Цянь Сину казалось, будто он торчит здесь целую вечность.

«Что за тварь только что лизала мне лицо?» — с замиранием сердца подумал он, наконец устав бояться.

Он резко распахнул глаза. Над ним висел хлипкий, полуразвалившийся навес из соломы. Вокруг не было ничего, кроме куч прелого сена.

Он сел и надрывно рассмеялся. В этом смехе сквозила чистейшая горечь и самоирония.

Кое-как поднявшись на ноги, Цянь Син толкнул хлипкую, скрипучую дверь. Оказалось, его хибара стояла посреди заброшенного, заросшего бурьяном двора. Всё вокруг выглядело настолько убогим и грязным, что соломенный навес теперь казался верхом роскоши и чистоты.

Обветшалые ворота покосились и едва держались на честном слове, уныло поскрипывая на ржавых петлях.

Но стоило ему сделать шаг за калитку, как дыхание перехватило от открывшейся картины.

К Цю Ситуну наконец вернулся здоровый румянец. Он поднялся на ноги, с удовольствием потянулся и, проигнорировав ворчание голодного желудка, почувствовал, что жизнь налаживается. Твердая почва под ногами творила чудеса.

— Дада так и не вынырнул, — заметил он, с тревогой вглядываясь в озерную гладь. — Как думаешь, он не мог утонуть?

— Сам об этом думаю, — отозвался Сыма Шу, поднимаясь вслед за ним. Он тщательно отряхнул штаны от песка и размял затекшие ноги. — Час прошел, а на воде ни рябинки. Но лезть на глубину и проверять я точно не собираюсь. Ну его к лешему.

Он окинул взглядом берег, хмурясь от подспудного чувства неправильности: почему пресное озеро окаймляет морской песок? Откуда он здесь? Впрочем, разгадывать эти странности сейчас не хотелось.

— Ладно, поищем подножный корм, а там видно будет.

И они углубились в тенистую чащу.

— Никогда бы не подумал, что докачусь до такого, — тихо заговорил Цю Ситун, раздвигая ветви кустарника в поисках чего-нибудь съедобного. — Смерть здесь стала... обыденностью. Я почти перестал ее бояться. Надолго ли?

— Слушаю я тебя и диву даюсь, — хохотнул Сыма Шу. — Такое ощущение, будто твои четыре года в академии прошли коту под хвост, да и всю сознательную жизнь ты зря соль переводил.

— Но это же правда! — Цю Ситун резко повернулся к нему. — Я долг давал. Моя обязанность — защищать людей. А тут... несчастные мрут один за другим, а я ни черта не могу сделать. Тошно мне от собственной беспомощности.

Сыма Шу прекрасно понимал, о чем тот молчит: этот идиот с радостью подставил бы собственную голову под удар, лишь бы спасти остальных.

— Ты что, ни разу не участвовал в ликвидации наводнений или спасательных работах после землетрясений? — прищурился Сыма Шу. — Скажи мне, разве те, кто гибнет под завалами, виноваты в буйстве стихии? Они что, заслужили смерть? И что делает спасатель в таких условиях? Садится на руинах и начинает рыдать, бросив работу? Или прячется от реальности, изводя себя чувством вины? Нет. Мертвым уже всё равно, а живым нужно двигаться дальше. Заруби себе на носу: сначала нужно позаботиться о тех, кто еще дышит.

И зачем ты раз за разом лезешь в эту бутылку? Из семи оставшихся в живых пятеро бродят черт знает где. Рядом с тобой сейчас только я. Вот и думай о том, как уцелеть нам двоим, вместо того чтобы разыгрывать из себя спасителя человечества. Пожалей собственные нервы.

Сыма Шу уже сбился со счета, сколько раз читал ему эти нотации. Но стоило невидимому диктору объявить очередную смерть, как Цю Ситун послушно скатывался в привычную пучину самобичевания.

— Землетрясение?! — вскрикнул Цю Ситун.

Почва под ногами внезапно заходила ходуном. Капитана швырнуло в сторону, он едва удержался на ногах, судорожно сжав в кулаке пучок собранной черемши. Тут было не до споров.

Сыма Шу тоже качнуло. В лесу во время толчков оставаться смертельно опасно — вековые деревья могли рухнуть в любую секунду.

— Бежим! — рывкнул он, хватая зависшего на месте военного за рукав, и потащил назад, к озеру.

— И откуда в тебе столько нерасторопности? — крикнул на бегу Сыма Шу.

— Я просто пытался оценить обстановку, а не тормозил! — огрынулся Цю Ситун, едва поспевая за ним.

— Это не землетрясение! — Сыма Шу резко затормозил у самой кромки леса.

В паре десятков метров от них из бурлящей озерной воды медленно выползала исполинская туша Дада. Его голова теперь казалась чуть длиннее и массивнее, чем во время полета.

Цю Ситун уставился на монстра круглыми глазами:

— Это... это из-за него всё тряслось?

— Пойдем глянем, — Сыма Шу потянул его за собой.

— Стоять! — Цю Ситун мертвой хваткой вцепился в его плечо. — С ума сошел?

— В чем дело?

— А вдруг он проголодался и сожрет нас к чертям? — Капитан явно начинал паниковать на ровном месте.

— Слушай, вояка, ты когда успел превратиться в такую трусливую девицу? — Сыма Шу обреченно закатил глаза. — Нам же четко объяснили: пока он не почует человеческую кровь, мы для него не еда. У тебя что, синдром молодой мамочки обострился? Совсем мозг усох? Ты часом не девчонка переодетая?

Цю Ситун и сам ума не мог приложить, почему в присутствии Сыма Шу он то и дело превращается в круглого дурака. Раньше за ним такой нерешительности не водилось. Помявшись, он выдал единственное мало-мальски достойное оправдание:

— Это не трусость, а разумная осторожность.

— Дада! — негромко позвал Сыма Шу.

К его удивлению, ящер мгновенно среагировал на кличку. Он медленно повернул массивную морду и уставился на людей своими огромными влажными глазами.

Земля снова вздрогнула. Исполин тяжело развернулся всем телом, широко разинул усеянную острыми зубами пасть и с гулким хрипом изрыгнул на песок гору трепещущей, еще живой

рыбы высотой в человеческий рост.

— Обалдеть... — только и смог вымолвить ошарашенный Цю Ситун.

Сыма Шу так и покатился со смеху.

— Спасибо, дружище, но нам двоим столько не сожрать за весь год!

Он смело шагнул вперед и протянул руку. Дада послушно склонил голову, позволяя погладить себя между жесткими роговыми наростами. В этот момент из его пасти бесшумно выплыло несколько крупных световых точек — на сей раз они были размером с человеческую голову.

Не переставая ласкать чешуйчатый лоб зверя, Сыма Шу кивнул онемевшему от изумления напарнику:

— Похоже, у этих тварей вообще нет деления по полам. Они размножаются вегетативно, прямо из этих светящихся бутонов.

— Но с горой рыбы надо что-то делать, она же протухнет, — вздохнул Цю Ситун, потирая лоб. Опять придется возиться с разведением костра первобытным способом.

Сыма Шу отобрал пять самых крупных, скользких рыбин и отшвырнул их в сторону — этого улова им с лихвой хватило бы на весь день.

— А остальное забирай себе, — скомандовал он дракону.

Дада словно только этого и ждал. Он в один присест слизал остатки кучи, блаженно сощурил огромные глаза, обрамленные на удивление длинными ресницами, и опустил тяжелый хвост в воду. Кончик хвоста лениво тактовал из стороны в сторону, вздымая фонтаны брызг.

Раздобыв в лесу сушняка для костра, мужчины вернулись на берег. Ящер мирно дремал у самой кромки воды, подставив бок полуденному солнцу.

Пока рыба аппетитно шипела над углями, Сыма Шу внимательно осмотрелся. Похоже, их забросило на необитаемый остров. Из растительности здесь зеленела лишь скудная съедобная трава да дикий лук. Если бы не охотничьи таланты Дада, им снова пришлось бы затянуть пояса и вспомнить голодные времена первого испытания.

Как ни торопился Сюй Маньфу, как ни колотил по хрупкой известковой стене, стоило ему

рвануться в образовавшийся пролом, как ракушки сомкнулись. Мужчина намертво увяз в стене — половина тела снаружи, половина внутри.

— Твою мать! Сука! — бешено взывал лейтенант.

Он извивался всем телом, пытаясь вырваться, но стена засасывала его, словно зыбучий песок. С каждым движением живой капкан сжимался все сильнее, сдавливая ребра так, что стало трудно дышать. В конце концов Сюй Маньфу затих, обессилив. Каждое малейшее шевеление лишь расширяло зазор, который тут же намертво забивался новыми, лезущими из всех щелей раковинами.

Эта проклятая хижина постепенно превращалась в его персональный склеп.

Тем временем Шэнь Хайфэн и Чжоу И после изнурительной погони все-таки умудрились скрутить одного коротконогого фазана в густых колючих зарослях. Расплатой за добычу стали многочисленные ссадины и порванная одежда. Не будь они на грани голодной смерти, никто в здравом уме не полез бы в эти чертовы кусты.

К счастью, Чжоу И в свое время не блистал успехами в школе и вместо университета окончил кулинарный техникум, после чего пару лет проработал в ресторане. Так что вся грязная работа — резать, ошипать и приготовить птицу — закономерно легла на его плечи.

Впрочем, будь у них хоть какой-то выбор, они бы ни за что не притронулись к дичи — законопослушные граждане, как-никак, браконьерство им было чуждо. Но пустые желудки диктовали свои законы.

Тао Вэйян так и не придумал, как спуститься с этого проклятого пика. Смирившись со своей участью, он распластался на плоской каменистой вершине и тупо уставился в небо.

Небо заволокли тяжелые, серые тучи. Солнце изредка проглядывало сквозь рваные облака, но почти сразу бесследно скрывалось в свинцовой мгле.

Еще неделю назад он до полусмерти упыхивался в офисе, выжимая из себя последние соки ради дурацких отчетов для начальства. А теперь лежал на вершине горы, словно вяленая вобла, и лениво ждал неминуемой гибели. Жизнь — чертовски ироничная штука.

Цянь Син изо всех сил старался уснуть, наивно полагая, что в небытии сможет забыть о кошмаре реальности. Но когда счет перевалил за четыре тысячи двести тридцать третью овцу, терпение лопнуло. Он резко распахнул глаза.

Над ним высился хлипкий, полуразвалившийся навес из соломы. Вокруг не было ничего, кроме куч прелого сена.

«Что за тварь только что лизала мне лицо?» — с замиранием сердца подумал он, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

Он сел и безумно, надрывно рассмеялся. В этом смехе сквозила чистейшая горечь и самоирония.

Кое-как поднявшись на ноги, Цянь Син толкнул хлипкую, скрипучую дверь. Оказалось, его хибара стояла посреди заброшенного, заросшего бурьяном двора. Всё вокруг выглядело настолько убогим и грязным, что соломенный навес теперь казался верхом роскоши и чистоты.

Обветшалые ворота покосились и едва держались на честном слове, уныло поскрипывая на ржавых петлях.

Но стоило ему сделать шаг за калитку, как дыхание перехватило от открывшейся картины.

<http://bllate.org/book/20090/2038818>